

МАРКСИЗМ ПОСЛЕ КОММУНИЗМА

Майкл Буравой¹

Беркли

Двадцать лет назад я был бы счастлив получить возможность поделиться с вами своими размышлениями о марксизме. Сегодня, зная, какой скептический прием меня ожидает, я делаю это с большими опасениями. Многие из вас, быть может, и признают, что у марксизма есть наследие; однако сам марксизм, скажут они, определенно мертв. Как мне кажется, это достаточно любопытная позиция в контексте мира, все более и более приближающегося к марксистскому пониманию капитализма, подверженного колебаниям, глобального, преследуемого кризисами, раскалывающего общество на два лагеря. Поскольку большинство умов полагают, что место марксизма на кладбище, это значит, вероятно, что марксизм не просто теория мира, прошлого или настоящего, это также и теория его трансформации в нечто другое, теория будущих возможностей, теория грядущего социализма. Именно эти футурологические предсказания альтернатив отвергаются. По мере того как растет наша коллективная способность строить мир по нашим собственным проектам, мы теряем силу воображения.

После 1991 г., то есть после кончины советского коммунизма, ни один рационально мыслящий человек не поверит в существование альтернативы, превосходящей капитализм. Следовательно, *марксизм после коммунизма* - это противоречие в определении, абсурд, невозможность. Эта идеология отсутствия альтернативы нигде не была более влиятельной, чем в политике правительства посткоммунистической России. И нигде она не была более разрушительной. Если капитализм - это конец истории, то в России он может быть также и концом надежды. В конце капиталистического туннеля - лишь темнота или, возможно, точнее - темнота, пришедшая на смену кратко блеснувшему свету. Именно в сегодняшней России марксизм более всего скомпрометировал себя, и

¹ Доклад, прочитанный в октябре 1998 г. в Принстонском университете в связи со 130-летием с момента опубликования "Манифеста коммунистической партии".

Из истории социальной мысли

именно здесь он более всего необходим. Он необходим для постижения экономической катастрофы, подобной которой не случилось в этом столетии; он необходим для понимания реальных или воображаемых альтернатив развития, ибо это поможет развернуть критику нерегулируемого, варварского капитализма, опустошившего российскую землю. Я не помышляю о возрождении советского марксизма, продолжающего влачить жалкое существование в бесплодных устах постсоветских лидеров; я говорю о нарождающемся космополитическом марксизме, восстанавливающим критическое мышление его основателей.

Если марксизм мертв, тем хуже для нас, ибо вызов капитализму, каким бы он ни был, где бы он ни был (минимальная социальная помощь, права человека, отношение к окружающей среде, демократическое управление, элементарные условия труда), потеряет свою силу, когда перед ним перестанет маячить "призрак коммунизма". И мы наблюдаем это в разложении европейской социальной демократии. Когда партии "левых" приходят к власти, они отрешиваются от своего социалистического наследия и выбирают "третий путь" - путь, не ведущий ни влево, ни вправо. Крушение европейских коммунистических партий привело к сдвигу всего политического спектра вправо. Это еще более верно для стран третьего мира. Там, где раньше советский или китайский коммунизм вдохновлял на антиколониальную борьбу, сегодня нет никаких идеологических бастионов, способных противостоять неолиберальной реструктуризации и терапии.

Не следует также забывать и о том, что оппозиция марксизму вдохновила критический анализ в социальных науках: от Хайека до Поппе-ра, от Шумпетера до Поланьи. Мой предмет, социология, в значительной мере пропитан марксизмом. Он зародился в начале века у европейцев (Дюркгейм, Вебер, Парето), затем перешел к послевоенным американцам (Парсонс, Мертон, Липсет, Белл и Гоулднер) и вернулся сегодня в Европу (Хабермас, Бурдьё, Турен и Гидденс). Социологическая мысль двигалась вместе с марксизмом. Поэтому давайте надеяться, что марксизм не мертв, а просто спит.

Если судить по популярности в академических кругах и вне их, то нет сомнений, что марксизм сейчас занял оборонительные позиции. Марксизму не впервой очутиться на мели: он попеременно то чах, то цвел с самого момента опубликования "Коммунистического манифеста", т.е. уже 150 лет. Маркс сам утратил веру в английский рабочий класс после первых шквалов революций 1848 г. и удалился в Британский музей создавать свою теорию капитализма, объяснять законы его движения. С тех пор развитие марксизма было неравномерным. В одной стране он двигался вперед, в другой отставал, он переживал золотой век, а затем входил в период упадка. В 1920-е гг., когда предсказания революции в Европе так и не материализовались, марксизм отступил.

Из истории социальной мысли

Но в некоторых странах депрессия для марксизма обернулась ренессансом: там росли рабочие организации, появлялись Народные фронты. В то же время в других странах марксистов преследовал фашизм, выживавший их за границу или заточавший их в тюрьму. В 1950-е гг. западный мир охватили послевоенная эйфория и параноя холодной войны; само же коммунистическое движение было направлено на поглощение и подавление радикальных тенденций внутри рабочего класса. С распространением антиколониальной борьбы марксизм набирал силу в третьем мире. В свете этого было бы безрассудно провозглашать конец марксизма, даже несмотря на то, что он отступил, казалось бы, повсеместно.

Чем объяснить такие изменения в положении марксизма? При первом приближении мы можем сказать, что они тесно связаны с положением подчиненных классов. Это не случайное совпадение. Марксизм - это теория мира и возможностей этого мира с точки зрения его непосредственных производителей, тех, кто производит средства нашего существования. Когда их голоса остаются неуслышанными, марксистские интеллектуалы должны прилагать больше усилий. Именно это я и пытался сделать, когда работал техником в постколониальной Африке, машинным оператором в южном районе Чикаго, сталеваром в социалистической Венгрии, сборщиком мебели в постсоветской России. Последние мои тридцать лет отнюдь не жизнерадостная этнографическая одиссея. Она началась в Замбии (1968-1972), когда я обнаружил новый правящий класс: цвет его изменился, но интересы остались плотно завязанными на многонациональном капитале, мобилизующем националистическую идеологию против рабочей аристократии. В Чикаго (1974-1973) я выявил политический и идеологический аппарат, работающий на производство согласия рабочего класса. Не в странах развитого капитализма, а в коммунистической Польше произошла первая современная революция рабочего класса национального масштаба. Опоздав с изучением польского профсоюза "Солидарность", я отправился в Венгрию (1982-1990) и обнаружил, что рабочий класс лишь лицемерно привержен социалистическим идеалам, цинично используя их против партийного аппарата. Вместе с исчезновением венгерского коммунизма в конце 80-х годов исчезла и приверженность рабочих социализму. В 1991 г. я отправился в Россию, последний бастион коммунизма, и работал там на мебельной фабрике. Уже спустя несколько недель после того, как я расстался со своими инструментами, старая российская гвардия предприняла в августе 1991 г. последнюю попытку восстановить рассыпающийся режим и тем самым развалила все политическое здание.

Куда бы я ни ехал, везде позади меня оставались руины социализма. Поэтому мои друзья-социалисты предлагали мне остановиться. Я последовал их совету, год за годом пассивно наблюдая за падением рос-

Из истории социальной мысли

сийской экономики: весь ее путь через создание конгломератов, либерализацию, стабилизацию и олигархизацию. Я наблюдал, как российская экономика высасывала собственную кровь, когда торговля, банковское дело и финансы процветали за счет вытягивания ресурсов из сельского хозяйства и промышленности, растаскивая сырье, накапливая счета в западных банках, выгоняя рабочих на их крошечные участки земли, так называемые дачи, толкая их к мелкой торговле, семейному насилию, пьянству, самоубийствам и ранней смерти (1). Если коммунизм привел страну в современность ценой огромных жертв, то капитализм теперь ведет ее обратно к отсталости.

Как за лакмусовой бумажкой мучительных постсоветских изгибов и поворотов, следил я за реакциями российских шахтеров, от их первоначального оптимизма в 1989 г., когда они выступили в роли динамита, сокрушившего старый режим, до их недавней отчаянной рельсовой войны против московских властей. Из торжествующего героя Ельцин превратился в ненавистного предателя, а затем и в жалкого дурака, орудие в руках преданных анафеме реформаторов. После падения коммунизма мятежные лидеры шахтеров сменили свой радикализм на административные посты и частный бизнес, предоставив рядовым рабочим самостоятельно сражаться против закрытия шахт и невыплаты зарплат. Инфляция быстро поглотила сбережения, лишив возможности бежать из Воркуты. Если в советской мифологии коммунизм был *светлым будущим*, то теперь стал он *светлым прошлым*.

Делясь моими этнографическими воспоминаниями, я вовсе не предлагаю свести марксизм ни к сознанию рабочего класса, ни даже к революционному сознанию. Рабочий класс дает точку зрения, а интеллектуалы создают теорию. Правда, кто-то может продолжить, сказав, что марксизм - это идеология радикальной интеллигенции, представляющая интересы последней в качестве интересов рабочего класса. Идея, что марксизм обобщает интересы не рабочих, а интеллектуалов, угрожает подорвать самые устои марксистского здания. Как я покажу ниже, подобные воззрения могут найти подтверждение в одной из ветвей марксизма - в советском марксизме. Свести же весь марксизм к идеологии интеллектуалов радикального толка ничуть не лучше, чем свести его к сознанию рабочего класса. Ни то, ни другое не охватывает разнообразных марксистских ответов внешнему миру, который он стремится изменить, и не соответствует внутренней логике его развития.

Соответственно мое выступление в защиту марксизма начинается с трех возможных вариантов отношения к нему: отвергнуть его совсем, обворовать его, выхватив отдельные идеи, или развивать дальше. Я выбираю третий путь и пытаюсь реконструировать марксизм, опираясь на "Коммунистический манифест". Я выбрал "Манифест" не потому, что мы празднуем его 150-летие, а потому, что из всех работ Маркса и Эн-

Из истории социальной мысли

гельса он лучше всего описывает наше время. Я предлагаю три прочтения "Коммунистического манифеста": первое посвящено раннему капитализму; второе прочтение (между строк) относится к тому, что я буду называть организованным капитализмом и его возмездием - государственным социализмом, а также к антиколониальным и постколониальным трансформациям в третьем мире; третье, возрождающее, прочтение касается нынешнего глобального капитализма. Значимость каждого прочтения марксизма - в соединении всех его частей, даже если они находятся в противоречии друг другу. Проблема состоит в уходе от вульгаризации, порождаемой дроблением марксизма.

Три судьбы марксизма после коммунизма

Что означает для марксизма падение советского коммунизма? Для многих, как я уже говорил, ответ прост: марксизм окончательно и бесповоротно мертв. С этой точки зрения, советский марксизм и марксизм вообще идентичны, одно подразумевает другое. История марксизма может закончиться только советским тоталитаризмом и всеми его ужасами, которые нашли у Маркса свое наиболее подходящее оправдание. С падением советского коммунизма призрак коммунизма, мучивший западное воображение на протяжении 150 лет, наконец-то успокоился. Иллюзию наконец-то похоронили. Она покоится рядом с Марксом на Хайгейтском кладбище, хотя ее призрак и появляется время от времени там, где его менее всего ожидают. Тороплюсь добавить, что коммунизм в этом столетии хоронил марксизм много раз: и во время большевистской революции с ее чистками и террором, и во время венгерского восстания в 1956 г., и во время Пражской весны в 1968 г. Тем не менее любопытно, что марксизм непременно возвращается, как постоянно оживающий труп. Каждое поколение откапывает своего Маркса.

Есть и второй подход к марксизму: вместо кладбища ему предлагается роль супермаркета. Следуя нашей фантазии, мы можем покопаться на полках марксизма, отделяя зерна от плевел, и покинуть супермаркет с "марксистским наследием". Для одних это моральная критика капитализма, отрицающего человеческий потенциал или порождающего неравенство и несправедливость. Для других это идея капиталистической системы, развивающейся через кризисы. Для третьих это понятие практики, практического вовлечения теории в изучаемый мир. Хотя в этом случае и отвергается система как целое, многие в огромном наследии Маркса и марксистов находят нечто достойное спасения. Так, даже сегодня в средствах массовой информации (например, в "Нью-Йорк Тайме", "Уолл-Стрит джорнал" или в "Нью-Йоркере") мы встречаем

Из истории социальной мысли

популярные воскрешения марксистской идеи, описывающие экономику капиталистического мира как неподвластную контролю.

Разные покупатели входят в марксистский супермаркет: случайно зашедшие и вдумчивые, те, кто забегают быстренько выхватить пару мыслей, и те, кто приходят обосноваться надолго. Наиболее серьезны были *неомарксисты*: они пытались пересмотреть марксизм, взять из него самую суть и отбросить то, что уже устарело. Например, в 1970-е гг. велись широкие дебаты о государстве и его связи с капитализмом, об отсталости в развитии, о социальных движениях и их отношении к классу, о нелюбви политической экономии к гендеру, о классовом характере государственного социализма и многом другом. В 1990-е гг. неомарксисты превратились в *постмарксистов*: они больше не заходят в супермаркет, но признают, что он оказал большое влияние. Класс важен, но не менее важны гендер и раса. Капитализм не конец истории, но и коммунизм тоже не конец ее. Они скорее будут говорить о *коммунизме после марксизма*, чем о *марксизме после коммунизма*.

Марксизм-труп не в меньшей степени, чем *марксизм-наследие* бросает вызов и тем самым открывает путь третьему, более целостному подходу - *марксизму-традиции*, который, в свою очередь, обеспечивает почву для двух первых. В марксизме-традиции слабость нельзя проигнорировать или обойти, позорные места требуют того же внимания, что и красоты, уроки поражений не менее важны, чем торжествующий успех. Согласно этой позиции, место марксизма не на кладбище и не в супермаркете. Здесь он оказывается в ботанических садах или заповедных лесах. Марксизм-традиция - это дерево с корнями, стволом, ветвями и листвой. Его рост имеет собственную "внутреннюю логику", связанную с корнями - "фундаментальными" работами Маркса и Энгельса. У него есть также и "внешняя" логика, чувствительная к климату и ветрам времени. История, сама испытывавшая на себе влияние марксизма, попеременно наклоняет к себе разные ветви дерева: немецкий марксизм, русский марксизм, западный марксизм и марксизм третьего мира. Каждая ветвь, сама имеющая побеги, испытывает влияние предшественников и специфических исторических условий. Я утверждаю, что *марксизм после коммунизма* (самая последняя ветвь) уже не может быть просто национальным или региональным, он становится глобальным и особенно сложным для конструирования.

В то время как стимулы к переосмыслению марксизма меняются в зависимости от времени и места, душа его развивается, следуя своей внутренней логике. Реконструкции марксизма восходят к различным корням в работах Маркса и Энгельса. Немецкие марксисты - Бернштейн, Каутский и Люксембург - спорили о том, движется ли капитализм к краху или же он постепенно превратится в социализм, а также о том, может ли реформа заменить революцию. Толчком для дискуссий по-

Из истории социальной мысли

служили три тома "Капитала" Маркса и "Развитие социализма от утопии к науке" Энгельса. Русский марксизм (в частности, Ленин в "Государстве и революции") восходит к Марксовым "Гражданской войне во Франции" и "Критике Готской программы". В западном марксизме Георг Лукач отталкивался от обнаруженных комментариев Маркса к "Капиталу", опираясь прежде всего на идею товарного фетишизма. Он заново открыл неопубликованные тогда парижские рукописи, на основе которых впоследствии возник критический марксизм. Грамши, будучи заключенным в тюрьму, прорабатывал Марксовы "Тезисы о Фейербахе", в которых тот предлагает свое понимание связи теории и практики, и использовал их для интерпретации политических работ Маркса о Франции: "Восемнадцатого брюмера" и "Классовой борьбы во Франции". Конечно, такое перечисление - лишь набросок, требующий уточнений и дальнейшей разработки. Я считаю, что основа марксизма изменяется в зависимости от места: разные ветви дерева марксизма происходят от разных корней. В конце тысячелетия, когда мы заняты поисками глобального марксизма, я бы предложил прочесть все сочинения Маркса и Энгельса через призму "Коммунистического манифеста".

С точки зрения понимания марксизма как трупа, корни его уже сгнили, а быть может, и всегда были гнилыми. Само дерево было просто только видимостью, иллюзией. В лучшем случае оно было бесплодным и затормозилось в развитии настолько, что могло расти только в одном направлении • от Маркса к Ленину и Сталину. "Коммунистический манифест" мог закончиться только тоталитаризмом. Даже если я и считаю такой идеализм необоснованным, тем не менее он является ключевой проблемой для марксистской традиции и, в частности, для комплексной связи между теорией и практикой. Как может марксизм понять свое собственное вторжение в историю, свою ответственность за историю? Те, кто занимается заимствованиями из марксизма, признают его щедрое наследие. Подобно дровосекам, обрубают они ветки, кажущиеся здоровыми, в надежде привить их к другому дереву, другой теории. Они бросают слишком серьезный вызов марксистской традиции, требуя обоснования ее целостности. Те, кто относит себя к марксистам и защищает традицию марксизма, надеются, что когда его гнилые ветви (такие, как советский марксизм) отомрут, болезнь не распространится дальше, а другие ветви обретут новую жизнь и пустят побеги. Метафора дерева подчеркивает отношение к марксизму как к живой традиции, не сводимой ни к ее корням, ни к ее гнилым, ни даже к пышущим здоровьем ветвям. Мы должны взять все целиком.

Над деревом пронесся ураган, гнезда в его кроне оказались разрушенными, и нам остается лишь не терять из виду ствол и ориентироваться по нему. *Марксизм после коммунизма* не может расстаться со своей родословной, не может перечеркнуть связь с тем, откуда он при-

Из истории социальной мысли

шел. *Au contraire* [напротив (фр.) - прим. пер.] он требует восстановления связи с прошлым, чтобы можно было думать о будущем. Однако какое же будущее пророчит нам *марксизм после коммунизма!* Это будет, как удачно заметил Стюарт Холл, *марксизм без гарантий*, марксизм, множественный в своем единстве, марксизм, который больше не обещает светлого будущего. Взяв наиболее торжествующий, наиболее самонадеянный текст из марксистских сочинений - "Коммунистический манифест" - и размышляя над тремя его прочтениями, я попытаюсь выявить в нем скрытые двусмысленности, чтобы пошатнуть его основы, преодолеть его самоуверенность.

Три тезиса "Коммунистического манифеста"

Сила "Коммунистического манифеста" не столько в его отдельных частях, сколько в связях между ними, в архитектуре целого. Хотя Маркс и Энгельс делят свой текст на четыре части, мои рассуждения основываются на трех китах, это: (1) *теория капитализма и его кризисов*, (2) *теория классово-борьбы и ее усиления* и (3) *теория коммунизма и его осуществления*.

Первый и самый замечательный вклад Марксова сочинения, его отправная точка - это новое определение разделения труда. Адам Смит и его последователи считали разделение труда одномерным явлением, т.е. под ним понималось: кто что делает, специализация. К компоненту, который они называют *производительными силами*, Маркс и Энгельс добавляют второй, неразрывно с ним связанный и в то же время с ним не пересекающийся: кто что получает, кто чем владеет, кто что присваивает - отношения собственности, т.е. то, что они называли *производственными отношениями*. Там, где Смит просто взял частную собственность как историческую данность, Маркс и Энгельс ввели новое понятие и поставили вопрос о *способе производства*, соединяющем конкретные силы и отношения производства. При феодальном способе производства крепостные производили собственные средства существования, а прибавочный продукт (ренту) отдавали своему господину. При капитализме рабочие уже не производят средств своего существования, но продают свою рабочую силу капиталисту, дающему им работу и возвращающему им их труд в виде заработной платы. Здесь прибавочный продукт реализуется в форме прибыли. Коммунизм также имеет два измерения. С точки зрения отношений собственности, классы больше не существуют, а на смену частному присвоению приходит коллективный контроль над прибавочным продуктом. С точки зрения отношений производства, необходимый труд организован совместно и ограничен малой частью дня. Вне этого "царства необходимости", в "царстве свобо-

Из истории социальной мысли

ды" индивиды реализуют свои обширные и разнообразные таланты. Таково минималистское представление о коммунизме.

Взаимодействие сил и отношений производства таит в себе секрет истории. Это взаимодействие управляет сменой различных способов производства, определяя, во-первых, рост и упадок каждого отдельного способа производства и, во-вторых, переход от одного способа производства к другому. Оба процесса объединяет неизбежный рост производительных сил. Эта теория истории (исторический материализм) вызвала обширные дискуссии и исследования: является ли история прямолинейным движением от одного способа производства к другому: от античного способа производства к феодализму, капитализму и затем к коммунизму; можно ли перевернуть историю вспять; действительно ли производительные силы в конечном счете растут; действительно ли все способы производства похожи в своих подъемах и падениях; каково место субъективных сил в исторической трансформации и т.д. Здесь я останавливаюсь только на теории капиталистического способа производства, рассматриваемой в "Коммунистическом манифесте".

Перейдем к первому из трех тезисов, составляющих основу коммунистических воззрений Маркса и Энгельса. При капитализме частное присвоение продуктов труда наемных работников вкупе с рыночной конкуренцией двигает производительные силы вперед. Каждый капиталист совершенствует методы производства и присвоения прибавочного продукта, и все другие капиталисты вынуждены или не отставать от него, или перестать быть капиталистами. В результате возникает порочный круг эксплуатации, увеличивающий рабочий день, интенсифицирующий труд, ведущий к утрате рабочими квалификации, что ведет к падению заработной платы, росту конкуренции на рынке труда и усилению контроля за трудом рабочих и т.д. У капиталистов нет альтернативы, кроме конкуренции, и поэтому они не могут не уменьшать заработную плату, вызывая кризисы перепроизводства. Рабочие живут в нужде потому, что они произвели чересчур много. Кризисы разрешаются посредством саморазрушения капитала: мелкие капиталисты выходят из игры и попадают в рабочий класс, остаются лишь самые крупные капиталисты. Каждый последующий кризис глубже предыдущего.

Однако сами по себе кризисы ведут к упадку капитализма, а вовсе не к новому, более высокому уровню способа производства. Последнее возможно лишь в случае захвата рабочими государственной власти и присвоения контроля над средствами производства. Это второй тезис "Коммунистического манифеста". С одной стороны, капиталисты оказываются "некомпетентными", поскольку они не могут контролировать кризисы, обрекающие рабочих на нищету; они оказываются "лишними", поскольку их роль сводится к стрижке купонов. С другой стороны, путем классовой борьбы рабочий класс постепенно обретает ощущение

Из истории социальной мысли

собственной силы. Сначала рабочие борются на местном уровне, затем, при помощи профсоюзов, они организовываются в экономический класс и, наконец, приобретают характер политической партии, когда формируют ее на национальном уровне. Как экономический кризис порождает экономический кризис, так и классовая борьба порождает новую классовую борьбу до тех пор, пока рабочий класс не захватит власть. *"Буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, - современных рабочих, пролетариев"*.

Перейдем к третьему тезису "Коммунистического манифеста" - осуществлению социализма. Он основывается не только на отсталых производственных отношениях (первый тезис), не только на захвате государственной власти (второй тезис), но также и на определенных материальных и идеологических предпосылках. В конечной точке капитализма отношения производства и отношения собственности стали частично обобщественными. Захватывающие рынки олигополии, государственные монополии, банки обеспечивают основу для *коллективной организации* экономики, которая вместе с расширенными производственными отношениями закладывает фундамент для *режима изобилия*. *"На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех"*. Маркс и Энгельс, следовательно, предлагают не утопию (прошлую ли, будущую ли), а теорию возможности (кто-то скажет "необходимости") коммунизма, а также способ, позволяющий превратить эту возможность в реальность.

И она почти что стала реальностью. Парадокс "Коммунистического манифеста" в том, что Маркс и Энгельс были абсолютно правы в своем диагнозе. Капитализм, который они знали, не мог выжить, и он не выжил. Он почил в кризисах и порожденной им классовой борьбе. Не случайно 1890-1920 годы были золотым веком марксизма, когда социализм вышел на передний план политической жизни в Германии, Австрии, Италии, Франции и Венгрии. Первую мировую войну можно рассматривать как борьбу за условия воспроизводства капитализма, звучавшую погребальным звоном по капитализму свободной конкуренции. Маркс и Энгельс допустили крошечную оплошность! Они не подумали о том, что конец капитализма свободной конкуренции - это еще не конец капитализма *tout court* [вообще (фр.) - прим. пер.]. Даже Энгельс в своих рассуждениях в 1880 г. полагал, что рост трестов, картелей, олигополии и государственного контроля над промышленностью, с одной стороны, и распространение профсоюзов и социалистических партий, с другой, означает капитализм, ковыляющий из последних сил, в то время как это

Из истории социальной мысли

был рассвет нового, полного сил капитализма - организованного капитализма.

Я лишь слегка преувеличиваю проницательность выполненного Марксом и Энгельсом анализа, однако это преувеличение существенно. С 1890 г. по 1920 г. производительные силы, кризисы и усиление классовой борьбы двигались вперед не абсолютно синхронно. Центр тяжести социалистической борьбы перемещался от страны к стране, от Франции к Германии, затем к России. Англия и Соединенные Штаты, с их развитыми производительными силами, по своему весу в социалистическом движении были на периферии. Неровное развитие капитализма, обусловленное национально-специфическими сочетаниями докапиталистического способа производства, фрагментированной классовой борьбы, рассеяло кризисы между странами и позволило капитализму выжить, пусть и в новой форме.

Организованный капитализм

Гениальность "Коммунистического манифеста" не только в правдоподобности торжествующей одновременности углубляющегося кризиса, усиливающейся классовой борьбы и воображаемого перехода к новому обществу, но и в том, что в нем заложены семена его собственного перевоплощения. При ближайшем рассмотрении этот ствол марксистского дерева обнаруживает зеленые побега, которые грозят превратиться в мощные ветви. Во-первых, первая часть "Манифеста*" предлагает панегирик капиталистической силе накопления производительных сил: *"Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, - какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!"* Но в следующем абзаце они, апеллируя к истории феодализма, создают модель крушения капитализма в результате сковывания производительных сил производственными отношениями. Но именно динамизм капитализма, его способность изменять себя: и свои силы, и свои отношения производства - и отличает его от феодализма и позволяет ему выжить в порождаемых им кризисах. Действительно, кризисы становятся мотором, силой, с помощью которой капитализм реструктурирует сам себя. Как позже покажет Шумпетер, кризисы не только разрушительны, но и созидательны. Иными словами, Маркс и Энгельс недостаточно серьезно подошли к собственному описанию гибкости и приспособляемости капитализма. В частности, они не увидели, что произ-

Из истории социальной мысли

водственные отношения: конкуренция среди капиталистов, компромисс между капиталом и трудом - не были жесткими, а приспособлялись к новым технологиям, которые сами же и вызывали к жизни.

Между тем капитализм не может сам преодолеть порожденный им кризис. Для этого требуется участие государства. И Маркс и Энгельс пишут: *"Политическая власть в собственном смысле слова - это организованное насилие одного класса для подавления другого"*, при этом государство выступает как орудие классового подавления. Таково общепринятое представление о марксистском государстве. Однако в другом, часто неверно цитируемом пассаже они пишут: *"Современная государственная власть - это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии"*. Маркс и Энгельс даже не подозревали о глубине данного ими определения. В этом предложении - неизученная суть организованного капитализма. В чем же еще заключаются общие интересы всего класса буржуазии, как не в воспроизводстве капиталистической системы даже в ущерб отдельным капиталистам? Если сами буржуа, движимые рыночной конкуренцией, толкают капитализм до той точки, где *«пролетариату нечего терять, кроме своих цепей»*, то государство защищает капитализм как от капиталистов, так и от рабочих. Оно обеспечивает необходимую инфраструктуру. Оно организывает конкуренцию, следя, чтобы она была и не слишком сильна, и не слишком слаба. Оно ограничивает стремление капиталистов эксплуатировать рабочий класс, их склонность уничтожить класс, который их же кормит. Маркс и Энгельс недооценили значение собственной теории государства.

Как государству это удастся? Маркс и Энгельс дают ответ, который будет развит двадцать лет спустя в первом томе "Капитала". Между тем он обнаруживается и в первой части "Манифеста", когда они пишут об организации пролетариев в класс, которая *"заставляет признать отдельные интересы рабочих в законодательном порядке"*. Реагируя на классовую борьбу, государство заставляет класс капиталистов ограничить продолжительность рабочего дня. Это только один пример, но для Маркса и Энгельса он наиболее важен, поскольку речь идет о рабочем классе, преследующем свои интересы. Такие победы имеют тактическое значение. Так, Маркс и Энгельс настаивают, что *"коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса"*. Однако коммунисты очутились в западне: если они не будут бороться за непосредственные интересы, они лишатся поддержки, а если они преуспеют в этом, то тем самым продемонстрируют рабочим, что победы возможны даже в рамках капитализма. Сражаясь за непосредственные уступки, заставляя государство ограничивать эксплуатацию, улучшая свою долю, пусть и не сразу и не повсеместно, рабочий класс превращается из *могильщика буржуазии* в ее *спасителя*.

Из истории социальной мысли

Кажется, Маркс и Энгельс видят эту дилемму, поскольку в четвертой части, описывающей политическую тактику сразу вслед за побуждением коммунистов бороться за непосредственные интересы рабочего класса, они добавляют: "...но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущее движения". Легче сказать, чем сделать, как отметил в своей теории гегемонии Антонио Грамши, пожалуй, наиболее значительный западный марксист двадцатого столетия. Согласно Грамши, организованный капитализм не только предоставлял материальные уступки, но и создавал растущее гражданское общество, в том числе профсоюзы, политические партии, народное образование, народные газеты, различные добровольные организации, через которые государство могло обеспечивать лояльность рабочего класса. Классовую борьбу уже нельзя было ограничить захватом государственной власти: по его словам, это была уже не наступательная война; борьба в новых условиях требовала предварительной долгой позиционной войны, воссоздания и/или замены существующего гражданского общества другим, создающим благоприятные условия для распространения социалистической идеологии и укрепления новых институтов. При чтении Грамши впечатляет анализ трудностей социалистической революции при организованном капитализме, когда удар гасится, отклоняется и дробится.

В России революция, по его мнению, оказалась возможна, поскольку гражданское общество было "студенистым и находилось в зачаточном состоянии". Как утверждал Грамши, проблема гражданского общества в России не в осуществлении революции, а в построении демократического социализма *после* революции. При самых неблагоприятных обстоятельствах большевики, хотя и непоследовательно, стимулировали творчество в искусстве и политике 1920-х гг. до тех пор, пока Сталин не положил этому конец.

Революция в третьем мире

Маркс и Энгельс не предвидели всех препятствий, которые гражданское общество создаст на пути революционных движений в наиболее развитых капиталистических странах. Обычно они отдавали первенство законам экономического развития. Так как в Англии производительные силы были наиболее развиты, а противоречия оказались наиболее явными, то первая революция, по их мнению, должна была произойти именно там. В своем знаменитом обращении к немецким читателям в предисловии к первому изданию "Капитала" (1867 г., том I) Маркс говорит, что Германия может лишь идти по стопам Англии. Однако в более ранних сочинениях Маркса, детально рассматривающих национально-специфические особенности классового конфликта, встречается

Из истории социальной мысли

предсказание революции в менее развитых странах. В противовес первой части "Коммунистического манифеста", в четвертой части Маркс и Энгельс советуют коммунистам уделить особое внимание Германии, в которой запоздавшая буржуазная революция, происшедшая под давлением развитого рабочего класса, может быть "прелюдией к следующей за ней пролетарской революции".

Троцкий использовал этот аргумент применительно к России в 1905 г.: он предсказывал, что слабая местная буржуазия, иностранные вложения в крупные фабрики Москвы и Санкт-Петербурга, на которых используется наемный труд рабочих, только что вырванных из отдаленных феодальных районов, представляют собой горячее, которое спалит русское самодержавие. Однако буржуазная революция, руководимая рабочим классом, может привести к социализму, лишь вызвав цепную реакцию пролетарских революций на экономически развитом Западе. Когда же такой реакции не произошло, то русская революция, вместо того, чтобы вырваться наружу и перерасти в мировую, обратилась вовнутрь, уничтожила свое крестьянство и затерроризировала свой рабочий класс. Троцкий был трагической фигурой, обреченной сыграть на сцене истории роль в теоретическом сценарии, который он сам для себя невольно написал. Он изо всех сил, но безуспешно сражался со своими самыми дурными предчувствиями.

Русская революция была первой революцией в третьем мире, она обеспечивала и модель, и урок для многих антиколониальных битв. В колониях гражданское общество не было настолько студенистым и примордиальным, но оно раскалывалось на пришельцев и на коренное население. Франц Фанон, принеся теорию Грамши в третий мир, стал, пожалуй, ведущим теоретиком освободительной борьбы. Классовые силы там уравновешены двумя блоками. Первый концентрируется вокруг городских образованных классов, мечтающих заменить колонизаторов в качестве нового правящего класса. Национальная буржуазия, при помощи и содействии международного капитала, частью которого она становится, заручается поддержкой городского рабочего класса. В колониальном контексте, утверждает Фанон, промышленные рабочие образуют рабочую аристократию, которая в революции может лишиться всего. Но есть и второй блок, состоящий из неустойчивого крестьянства, ведомого неудовлетворенными городскими интеллектуалами, блок, борющийся за социалистическую революцию, которая принесет непосредственную демократию и экономическую справедливость. Крестьянство обретает естественных союзников среди маргинализованных, но ненадежных слоев городского населения. Оба эти блока соперничают за лояльность оставшейся классовой фракции - традиционных вождей, бывших агентами косвенного колониального правления. Если, как это утверждают в "Коммунистическом манифесте" Маркс и Энгельс, револю-

Из истории социальной мысли

ционный класс - тот, которому *"нечего терять, кроме своих цепей"*, то в третьем мире это нищие, маргинальные крестьяне Африки, Азии и Латинской Америки, которые посредством революции завоюют себе новый мир.

Оглядываясь сейчас на послевоенную историю Африки, мы видим, как страна за страной вступала на путь национальной буржуазии, подтверждая самые пессимистичные предсказания Фанона о жестоких, паразитических элитах, навязывающих свою волю силой и коррупцией и при поддержке международного капитала грабящих богатства своих стран. Однако не лучшая доля выпала и его оптимистическому сценарию. Даже там, где освободительная борьба была наиболее активной (например, в колониях поселенцев в Алжире, Мозамбике или Зимбабве), результат был не более вдохновляющим. Панегирик Фанона насилию не дал им облегчения, а лишь вызвал еще большее насилие.

Фанон мог бы сказать, что экономические условия для реализации его теории так и не реализовались, что политические траектории были предопределены экономическим удушением и подчинением мировому капитализму. В таком случае рассмотрим пример Южной Африки. Последний оплот правления белых, апартеид сдался после продолжительной борьбы, отражавшей развитый характер южно-африканского капитализма. Центр ее тяжести находился в африканском рабочем классе. Кто-то скажет, что это была развернутая позиционная война, возникшая в середине 1970-х и сколачивавшая альянсы между гражданскими объединениями, между гражданскими ассоциациями и профессиональными союзами, между классами и даже между расами. В конце концов произошла согласованная и мирная передача власти. Однако выход к власти тройственной коалиции: Африканского Национального Конгресса, Конгресса Южно-Африканских профсоюзов и Южно-Африканской Коммунистической партии - совпал с крахом социалистической идеи, на которой и держалась коалиция. Распад Советского Союза лишил Африканский Национальный Конгресс идеологии, вынудил его к беспорядочному отступлению. Протагонисты нового морального порядка, которые пытались создать новое согласие между расами, классами и регионами, основанное на универсальных правах человека, шагнули в пустоту. Это было примирение, но без социальной справедливости. Новое правительство быстро уступило внешнему и внутреннему давлению в проведении приватизации, рыночной либерализации, интеграции в мировую экономику, усилив тем самым различия между бедными и богатыми.

Разочаровавшись в путях третьего мира и в «теориях зависимости», объясняющих эти пути, постколониальная мысль отвергла гуманизм Фанона, его социализм и даже его национализм как обессиливающий бывшие колонии, загоняющий их в ловушку гегемонии западных идей,

Из истории социальной мысли

и обратилась к возрождению традиционных знаний и идей коренного населения, ставящих под сомнение западную идеологию. Между тем мало что предлагается для преодоления бедности и насилия. В еще более пессимистичном настроении постколониализм возвращается к раннему анализу Фаноном постоянных психологических травм, нанесенных колониализмом туземной душе. И эти травмы переживут структуры колониального господства и останутся страшными шрамами и рубцами на третьем мире.

Если большевистская революция раздвинула царство возможного, то конец коммунизма дал противоположный эффект, усилив позиции идеологии безальтернативности глобального капитализма. Если большевистская революция была первой революцией в третьем мире, то российская неолиберальная революция стала последней, сделав еще более узким и без того ограниченный выбор. Был ли выбор между капитализмом и социализмом всего лишь иллюзией? Ведь то, чем был советский социализм, согласно ортодоксальному марксизму, никогда не должно было существовать и уж явно не должно было жить так долго.

Государственный социализм

Третья часть "Коммунистического манифеста" посвящена различным социализмам (феодальному, мелкобуржуазному, немецкому, консервативному, утопическому). В ней показано, как их примитивный характер соотносится с капитализмом в его незрелых формах. Мы можем пойти дальше и сделать вывод, что организованный капитализм породил свою собственную форму социализма, которую можно называть организованным социализмом и которую я называю "государственным социализмом". Это "реальный социализм" Советского Союза и стран, которых он принудил идти по его стопам.

Чем же был государственный социализм, близнец организованного капитализма? Мы можем найти его неявное предчувствие в "Коммунистическом манифесте". Мы можем увидеть его предвестников, которых великий анархист XIX века Михаил Бакунин, заклятый враг Маркса и Энгельса, видел гораздо лучше них. Как пишут Маркс и Энгельс, в предсмертных судорогах капиталистической эпохи часть буржуазии переходит на сторону пролетариата, *"именно, часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения"*. Интеллектуалы, по их мнению, должны были сыграть решающую роль в просвещении рабочего класса и построении нового режима. Венгерские интеллектуалы Георг Конрад и Иван Селеньи относятся к этому прогнозу очень серьезно. Они утверждают, что в государственном социализме интеллектуалы занимают особое место

80

Из истории социальной мысли

Плановой экономике требуются технические исполнители, которые будут формулировать потребности общества и организовывать их выполнение; ей также требуются идеологи, которые будут оправдывать план как задачу, отражающую общие интересы.

Конрад и Селеньи утверждают, что государственный социализм - это правление интеллектуалов, управление культурного капитала непосредственными производителями. Любопытно, что интеллектуалы сумели добраться до исполнения своей исторической миссии лишь после Падения, когда многие из них стали лидерами в постсоциалистических режимах. И тем не менее, хотя номенклатурные деятели государственного социализма не были интеллектуалами по происхождению и характеру, они все равно выполняли функцию интеллектуалов, разрабатывая обоснование коллективных потребностей, оправдывая присвоение и перераспределение. Системы власти, столь сильно зависящие от легитимации и противоположные договорному порядку господства в обществе организованного капитализма, особенно неустойчивы. Они порождают контрлегитимацию и имманентную критику. Так, маргинализованная интеллигенция защищала альтернативные принципы демократии и рынка, в то время как рабочие осуществляли свой протест во имя "настоящей" справедливости для пролетариата. Самопровозглашенное государство рабочих являлось саморазрушительным, толкая своим обманом рабочих самих творить историю: в ГДР - в 1953, в Венгрии - в 1956, в Чехословакии - в 1968, в Польше - в 1980, в России - в 1989 и 1991 гг. Ирония истории в том, что номенклатура породила рабочий класс и тем самым создала "своего могильщика". Точнее говоря, в 1989 г. рабочий класс в Восточной Европе был достаточно молчалив. Вместо него говорили интеллектуалы, призывавшие к альтернативным идеалам, срывавшие занавес со старого режима. И тем не менее, даже если интеллектуалы и играли важную роль, номенклатура всегда помнила об исторических сражениях рабочих, уже ставивших предшествовавшие режимы на колени.

Классовая борьба - недостаточное объяснение распада любого способа производства, включая государственный социализм. Это только лишь второй тезис "Коммунистического манифеста". Согласно первому тезису, система открывает путь другой системе, когда ее производственные отношения из формы развития производительных сил превращаются в их путы. Прежде чем мы поторопимся заклеить экономику государственного социализма как иррациональную и неэффективную, важно сравнить государственный социализм не с идеально типичной моделью капитализма, а с реально существующим капитализмом. При сравнении *распределительной эффективности* капитализма и социализма оказывается, что государственный социализм и организованный капитализм не так уж и различны, хотя общества, принадлежащие к ка-

Из истории социальной мысли

ждой из этих систем, весьма разнообразны. Как такое возможно? Мы привыкли связывать государственный социализм с очередями, волокитей и ненужными тратами, однако капиталистические рынки также печально известны неэффективным распределением целого ряда товаров. Только с помощью государства можно развивать транспорт, коммуникации, минимальное социальное обеспечение, регулировать сделки и т.д., только так можно обуздать иррациональность капитализма. Подобным же образом преуспевающий государственный социализм, например в Венгрии, увеличивал свой формальный административный аппарат за счет всевозможных форм вторичной экономики, независимых кооперативов и мелких предпринимателей. Более того, как капиталистические предприятия содержат бюрократическую иерархию, так и предприятия при государственном социализме развивали внутренние субподряды. Каждая система имеет свою собственную отличительную логику и замещает из других механизмов то, что компенсирует ее основную дисфункциональность.

Для эффективности важно не только соответствие между спросом и предложением; важна также и *динамическая эффективность*, т.е. способность систем порождать инновации, или, как сказали бы Маркс и Энгельс, способность развивать производительные силы. И здесь данные свидетельствуют против экономики государственного социализма. Эта экономика могла приспособиться к неотложным потребностям, однако ей редко удавалось это сделать динамичным, инновационным путем. Инновации проводились централизованно для особых проектов, и они не были системными. Но даже и здесь нам следует быть осторожными, чтобы не переоценить превосходство рыночной конкуренции как таковой. Эволюционная экономическая теория указывает на непеременимые социальные условия, взаимопонимание по определенным вопросам, доверие, навыки и т.п., необходимые для инноваций, на готовность к риску и динамической эффективности.

В свете этих наблюдений шоковая терапия была самым неверным средством. Немедленное внедрение рыночной экономики разрушило распределительную эффективность, не создав при этом институтов, необходимых для инноваций. Трудно сравнить Россию с Польшей, Чешской республикой и Венгрией, однако одна из причин, почему последние преуспели больше, состоит в том, что их правительства с равным энтузиазмом погрузились как в создание и развитие нового, так и в разрушение старого. Китай, пожалуй, еще более поучительный пример. За последнее десятилетие темпы его развития соответствовали темпам падения России, и во многом потому, что в Китае рыночные реформы развивались при содействии государства, в то время как в России государство было поглощено внутренней олигархией, находившейся в тай-

Из истории социальной мысли

ном сговоре с глобальным финансовым миром, что и привело к развалу экономики.

Угроза со стороны организованного рабочего класса и отсталые производительные силы способствовали падению советского коммунизма, однако был и третий, не менее важный фактор: утрата правящим классом веры в собственную идеологию. Как бы номенклатура ни старалась, сколько бы реформ ни проводила, она не могла заставить реальность подчиниться провозглашаемому ею призывам. В результате она отказалась от грубой социалистической идеологии в пользу не менее грубой рыночной идеологии. И советский, и постсоветский режимы считают идеологию основным двигателем истории. Это парадокс режима, называвшего себя марксистским; однако это объяснимо, если признать, что его основная черта - это рациональная перераспределительная экономика, требующая легитимации.

Три тезиса "Коммунистического манифеста", задуманные как описание капитализма, оказались более приложимы к распаду государственного социализма. Несомненно, производительные силы при государственном социализме не развивались, а тормозились административным аппаратом. Государственный социализм действительно породил классовую борьбу, и последняя пошла по восходящей линии, распространяясь от страны к стране в течение последних сорока лет коммунизма. Кроме того, государственный социализм действительно подталкивал интеллектуалов к тому, чтобы сменить свою преданность социализму на преданность капитализму и стать идеологами свободного рынка и либеральной демократии. Может ли быть такое, что "Коммунистический манифест" приложим к любому способу производства, *кроме капиталистического*? Чтобы дать ответ, мы должны вернуться к анализу капитализма.

Глобальный капитализм

До сих пор мы размышляли над тем, как крах советского коммунизма повлиял на прочтение марксистских трудов относительно прошлого и настоящего. Теперь мы должны обратить марксистские сочинения в будущее, в *мир после коммунизма*. Но сначала позвольте мне кратко подвести итог уже высказанной аргументации.

Маркс и Энгельс благоговели перед короткой историей капитализма, поскольку ожидали, что он быстро распространится по всему миру, разрушая своим появлением все докапиталистические способы производства и, в конечном итоге, саморазрушаясь, однако не раньше, чем создаст предпосылки для возникновения нового, более высокого коммунистического строя. Они полагали, что конец конкурирующего капита-

Из истории социальной мысли

лизма будет концом капитализма *tout court*. В действительности же ранний капитализм, который они наблюдали, породил уже знакомое имперское деление на три мира: организованный капитализм, государственный социализм и колонизированную периферию.

Этот имперский порядок действительно *интернационален*, поскольку его единицей является национальное государство, опосредующее глобальные сделки. Государство-метрополия справлялось с капиталистическими кризисами перепроизводства двумя путями: во-первых, выдвигая их на периферию, откуда черпалось сырье и дешевая рабочая сила и куда направлялись излишки товаров и капитала. Во-вторых, государства отодвигали кризисы на будущее посредством общественных расходов на социальную и военную сферы. Государство не только выступало посредником в экономических сделках, но и играло решающую роль в организации или подавлении классового конфликта. Государство развивало собственную принудительную машину в лице полиции и армии, но в то же время распространяло административные, юридические, социальные коммуникационные и образовательные институты, достигавшие самых дальних уголков общества. В то же время более или менее плотное гражданское общество полуавтономных организаций (таких, как профсоюзы, политические партии, церковь и т.д.) рассеивало, смягчало и сглаживало классовые отношения. Экспансия национального государства и его внедрение в общество принимали различные формы, однако это было отличительной чертой двадцатого столетия, проявившейся не только в организованном капитализме, но и в государственном социализме, фашизме и даже авторитарных режимах третьего мира. Наконец, государство, усиленное своим проникновением в общество, успешно прививало своим гражданам чувство национальной идентичности. К нему можно было взывать, требуя жертв и компромиссов.

Сегодня капитализм раздвигает границы национального государства, и происходит это так, как и предсказывается в первой части "Коммунистического манифеста". Вспомним лирические пассажи, описывающие неорганизованный капитализм: *"Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть"*. Капитализм разрешает свои кризисы не при посредстве государства, а постоянно самоизменяясь, причем делая это со все возрастающей скоростью. Производство и потребление, беспокойные и недолговечные, порождают жизнь, столь же мимолетную и зрелищную. Гибкая приспособляемость - вот девиз 1990-х годов. Капитализм открывает период гиперсовременности по всему миру. Он должен всюду *"внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи"*. Сложившиеся национальные индустрии разрушаются мировым производством, забирающим сырье из

Из истории социальной мысли

самых отдаленных регионов и превращающим его в продукты, потребляемые во всех частях света. Транснациональные связи разрастаются по всему миру: *"всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга"*. Глобальное воображение приходит на смену ограниченным локальным и национальным взглядам: *"Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература"*. Развитие средств производства, особенно средств коммуникации, в сочетании с дешевыми товарами ломает местное сопротивление. *"Под страхом гибели заставляет она [буржуазия] все нации принять буржуазный способ производства"*. Есть ли более точное описание сегодняшней России, капитализма, который торопится поскорее перешагнуть через мелкие подножки рушащегося коммунизма, наводняя его территории новыми желаниями и дешевыми продуктами, разрушая промышленность, сельское хозяйство, создавая новую торгашескую, паразитическую буржуазию - приводной ремень международного капитала? После коммунизма *"Коммунистический манифест"* становится манифестом буржуазии!

Ирония марксизма на этом не заканчивается. В конце концов, Ленин считал империализм высшей стадией капитализма. Империализм, по его словам, не сумеет разрешить противоречия капитализма или справиться с ними. Он должен будет породить коммунизм. Что ж, в жизни получилось как раз наоборот. Империализм породил новый динамичный глобальный капитализм, и можно теперь сказать, что капитализм - это высшая стадия империализма. Этот капитализм также упомянут в *"Коммунистическом манифесте"*, однако мы можем продолжить параллели. Каждая сфера имперского порядка: организованный капитализм, государственный социализм, колонизированные периферии - оставила своей след на этой самой поздней фазе капитализма.

Организованный капитализм, далекий от застойного состояния, выработал новомодные производительные силы, пробившиеся сквозь имперскую броню. В недавней работе Мануэля Кастелльса об информационном обществе эта новая глобальность описывается через понятие сетевого общества, передающего транснациональные потоки финансов, технологий, информации и специализированной рабочей силы, причем все это облегчается при помощи электронного пульса. Говоря словами Кастелльса, пространство потоков приходит на смену пространству мест. Власть теряет основу или укореняется в потоках, которым государства стремятся придать нужное направление. Если власть оказывается лишенной места, то места становятся лишенными власти. Главная ось неравенства теперь определена доступом к этим глобальным потокам, и те, кто из них исключен, волей-неволей оказываются маргинала-

Из истории социальной мысли

ми. По мнению Каstellьса, эти процессы имеют место в Европе и Соединенных Штатах в не меньшей степени, чем в Африке.

Возможно, наиболее прозрачно информационное общество в России по причине ее насильственного, стремительного и запоздалого вхождения в мировую экономику. Здесь глобальные связи проходят через космополитичную Москву, остров богатства в море все углубляющейся бедности. Регионы пытаются отгородиться от московского богатства, но только лишь создают больше путей для проникновения бедности, так как население оказывается предоставленным самому себе и выгалькивается в самодостаточную жизнь на основе бартера домашнего, приусадебного хозяйства. За последние семь лет произошел рост сферы обмена, начиная с торговли и кончая финансами, и все это под контролем теневого государства, называющегося мафией. И этот рост идет за счет промышленного и сельскохозяйственного производства. Оказавшись на сцене мирового капитализма последней, Россия наиболее наглядно демонстрирует его анатомию. Мы видим, что этот новый глобальный капитализм, управляемый потоками финансов и долгов, не лишен собственных кризисов, рикошетом отскакивающих от одной страны к другой и едва ли поддающихся контролю, хотя кто-то скажет, что они вызываются наднациональными финансовыми институтами.

В нашем стремлении предсказать судьбу мирового капитализма мы не должны упустить из виду влияние имперского устройства на формирование классов. Организованный капитализм сплотил рабочий класс в национальные группы, формируя рабочих как граждан, деля их по расе и полу, стратифицируя их по месту на рынке труда и роду занятий, привлекая к национальным идеям и политике реформ. Марксов призыв *"пролетарии всех стран, соединяйтесь!"* оказался тщетным, так как во главе процесса должны были встать рабочие из наиболее развитых капиталистических стран, а их реальные интересы связаны с эксплуатацией периферии и ее народов. В действительности наиболее наступательная борьба рабочего класса зарождалась или в государственном социализме, или в полупериферийных нациях, таких, как Южная Африка, Бразилия и Корея, где индустриальные насаждения подготавливали почву, на которой рабочие могли организовываться и бороться за расширение демократических прав. Однако в каждом случае они не выходили за рамки фабрики национального государства.

Применительно к современной мировой экономике мы должны заново осмыслить значение и основы классовой борьбы, а также признать, что капитализм вспахивает почву, на которой классы могут пустить корни, будь то рабочее место или локальная община. Перемещение привычных мест вызывает перемещение и привычных идентичностей. Более того, капитализм уже не стремится сделать идентичность универсальной (как он это делал всегда), а создает разнородности, различия

Из истории социальной мысли

(этнические, расовые, тендерные) и пользуется ими. Эти идентичности непостоянны и хрупки и, следовательно, требуют особой политики, политики, которая аккуратно связывает через национальные границы альянсы по таким вопросам, как права человека, защита окружающей среды или даже местный суверенитет. По мере того как гражданские общества освобождаются от государства и соединяются между собой через национальные границы при помощи этнических и расовых диаспор, неправительственных организаций, глобальных ассамблей, создаются и новые территории для борьбы. Если постколониализм и обладает универсальной силой, то, несомненно, заключается она в противопоставлении локального глобальному. Голоса маргиналов раздаются как на периферии, куда они были выброшены со своими новыми идентичностями (Чьяпас), так и в центре, где они появляются у порога их бывших колонизаторов (рабочие-иммигранты).

Если организованный капитализм стимулировал развитие производительных сил и дезорганизовывал рабочий класс, если колониализм позволил зазвучать многим голосам, вокруг которых могут возникать общественные движения, то в чем же наследие государственного социализма? Он успешно дискредитировал идею административного социализма. Среди ее обломков можно обнаружить другие образы социализма. Я имею в виду польский профсоюз «Солидарность» с его "самоограничивающейся" революцией, который отказался от вовлечения государства и направил все силы на воссоздание гражданского общества. Или же венгерский социализм, который вырос из расщелин государственного социализма и действовал опять-таки скорее против, чем вместе с государством, создав все возможные новые формы кооперативного саморегулирования. Даже в России шахтеры, оказавшиеся в 1989 г. в одиночестве, требовали отмены партийного государства, признания независимых профсоюзов, выборов всех государственных чиновников и контроля за распределением угля. И то, что эти требования оказались погребенными вместе с коммунизмом, не дает оснований забыть об идее более свободного общества.

Как неоднократно подчеркивал Маркс, каждая стадия капитализма формирует собственное видение социализма. Сегодня мы должны думать о социализме не в рамках национального государства и не в противопоставлении ему, а в иной плоскости - выше или ниже государства, то есть в плоскости глобального и локального. Помимо образов, вырастающих из критики государственного социализма, пока не ясно, что могут из себя представлять эти социализмы. Нам следует помнить, что хотя во второй части "Коммунистического манифеста" и предлагаются разные типы социализма, а также соответствующая времени промежу-

¹ Штат в Мексике.

Из истории социальной мысли

точная программа, тем не менее в третьей части подчеркивается, что образ альтернативного будущего появляется в тесной связи с революционными движениями. Когда такие движения находятся в состоянии неопределенности, что мы и имеем сегодня, мы понимаем, насколько все существующее непостоянно, что оно не является ни естественным, ни вечным, а есть лишь продукт особых условий. И последний пункт защиты - это критика: противопоставление реального и возможного, того, что "есть", тому, что "могло бы быть". Без осознания альтернативы не может быть эффективной борьбы, а без борьбы не может быть реалистичного представления.

Мы можем создавать любые образы, рассуждать о любых утерянных возможностях, но по сравнению с прошлым столетием социалистом теперь быть просто труднее. Тогда было больше оснований верить в скорый конец капитализма, и, соответственно, меньше была теоретическая необходимость четко определять значение социализма. Тогда организованность рабочего класса набирала силу, так что можно было предоставить этому движению спонтанно вырабатывать собственное видение альтернативного будущего. Тогда не было примеров успеха социализма, но не было и примеров его провала. Сегодня марксистские интеллектуалы вынуждены трудиться гораздо активнее, чтобы убедить окружающих в том, что "у них есть мир, который стоит завоевать" - не только сразу после капитализма, но и после коммунизма. Сегодня марксизм не дает гарантий.

По мере того как растет неравенство внутри стран и между ними, капитализм утрачивает контроль над самим собой, коллективная борьба превращается в разрушительные гражданские войны, интеллектуалы берут на себя ответственность предлагать не только политику, но и альтернативу. Марксизм, верно перечитанный и реконструированный, продолжает служить основанием для подобных критических размышлений и вдохновлять на них, и так будет до тех пор, пока мы живем в мире капитализма.

7 октября 1998 г.

Перевод с английского М. Добряковой